

УДК 330.3 (510)
DOI 10.14258/epb202337

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

С. И. Обиремко, Лю Дзяньлу

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье анализируются достоинства и недостатки китайской экономической модели. Предложен критический анализ западных подходов к исследованию особенностей национальной модели экономики Китая. Рассмотрен основополагающий принцип формирования китайской национальной модели экономики — «демократический централизм». В статье уделяется внимание анализу демографического фактора формирования китайской экономической модели. В частности, его оценка с точки зрения теории «человеческого капитала». Авторы предлагают оценить последствия масштабных инвестиций в систему образования и здравоохранения в Китае с позиций капитализации демографического фактора и критической оценки «демографического дивиденда».

Большое внимание уделяется анализу недостаточно изученных особенностей налоговой политики Китайской Народной Республики. Дается оценка специфики структурной политики в сфере реализации промышленной политики.

Вместе с тем авторы далеки от идеализации китайской экономической модели и исходят из ее уникальности, связанной с такими фундаментальными факторами формирования модели, как исторический путь страны, менталитет народов, ее населяющих.

Ключевые слова: Китай, китайская модель, восточноазиатская модель, мировое лидерство, темпы роста, экологические проблемы, валовой продукт, Пекинский консенсус, демографический дивиденд, демократический централизм.

SOME FEATURES OF THE MODERN DEVELOPMENT OF THE CHINESE ECONOMIC MODEL

S. I. Obiremko, Liu Jianlu

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article reveals the merits and shortcomings of the Chinese economic development model. A critical analysis of Western approaches to the study of the features of the national model of the Chinese economy is proposed. The fundamental principle of the formation of the Chinese national economic model — “democratic centralism” is considered. The article focuses on the analysis of the demographic factor of the formation of the Chinese economic model. In particular, his assessment from the point of view of the theory of “human capital”. The authors propose to assess the consequences of large-scale investments in the education and healthcare system in China from the standpoint of capitalization of the demographic factor and a critical assessment of the “demographic dividend”.

Much attention is paid to the insufficiently analyzed features of the tax policy of the People's Republic of China. An assessment of the specifics of structural policy in the field of industrial policy implementation is given.

At the same time, the authors are far from idealizing the Chinese economic model and proceed from its uniqueness associated with such fundamental factors of the formation of the model as the historical path of the country, the mentality of the peoples inhabiting it.

Keywords: China, Chinese model, East Asian model, world leadership, growth rate, ecological problems, gross product, Beijing Consensus, demographic dividend, democratic centralism.

Наиболее распространенным подходом к определению «национальной модели» экономики можно считать тот, при котором национальная экономика рассматривается как сложная взаимосвязанная система, охватывающая весь социально-экономический комплекс страны на региональном и национальном уровнях. Для характеристики национальных экономик используются функциональные, географические и отраслевые характеристики. Согласно функциональному принципу, характеристика национальной экономики определяется эффективностью применения основных экономических ресурсов, находящихся в распоряжении страны: людей, природы и капитала на основе исторически сложившихся экономических связей в процессах производства, обмена, распределения и потребления. В этом случае возможно выделение важнейших уровней экономического анализа: макроэкономического, мезоэкономического и микроэкономического. По нашему мнению, поскольку народное хозяйство каждой страны имеет различную природу, то все они располагают принципиально разными характеристиками. Именно этот аспект зачастую не принимается во внимание при попытках анализировать особенности экономического моделирования в каждой отдельной стране. Предпринимаются не всегда обоснованные попытки чрезмерно универсализировать экономический анализ.

Начнем наш анализ с принципиальной критики традиционных для западной экономической мысли взглядов на процессы развития «китайской национальной экономической модели».

Некоторые ученые и средства массовой информации на Западе предложили различные, но в то же время во многом совпадающие идеи развития экономики Севера и Юга Китайской Народной Республики, как модели «двух Китаев». С их точки зрения, между моделями экономического развития на Юге и Севере Китая есть не только большие различия, но и принципиальное несовпадение [1].

Мы полагаем, либо такой подход является поверхностным, свидетельствующим об отсутствии серьезной информации о развитии Китая, либо мы имеем дело с традиционным для Запада неприятием опыта, несовпадающего с мейнстримом западной идеологии, либо делается сознательная и недобросовестная попытка ввести мировое экономическое сообщество в заблуждение.

Во-первых, история экономического развития Севера и Юга демонстрирует различия, но это отнюдь не параллельное развитие разных моделей. Существуют очевидные различия в географии, климате и ресурсах между северной и южной частями республики, но очевидно, что экономическое развитие двух регионов одной страны нельзя отделить

от роли политического руководства и идентичности рыночных сил. Исторически сложилось так, что экономическое развитие Китая всегда зависело от руководящей роли правительства и существует много общего между политикой, проводившейся Севером и Югом в разные периоды. Например, в первые дни «реформ и открытости» как Север, так и Юг запустили политику создания особых зон для привлечения иностранного капитала и технологий для содействия местному экономическому развитию. Кроме того, и Север, и Юг начали проводить торговую и промышленную политику, направленную на поддержку развития местных предприятий и обеспечение эффективного руководства модернизацией промышленности. Поэтому хотя между Севером и Югом есть различия в некоторых аспектах, очевидной разницы нет.

Основные доказательства очевидного заблуждения западных аналитиков ярко демонстрируют традиционные объекты экономической аналитики. Например, темп роста ВВП, доход на душу населения, рассчитанный для условно географически отделенных регионов.

Темпы роста ВВП. Если рассматривать по отдельности северные и южные регионы Китая в 2020 г., то темпы роста ВВП южного региона Китая составили 6,9%, а темпы роста ВВП северного — 6,8%. Хотя темпы роста в южном регионе несколько выше, существенной разницы в динамике нет, что также объясняет отсутствие различий в национальной политике, в моделировании экономических процессов [2, p. 76].

Доход на душу населения. По данным Национального бюро статистики, в 2020 г. располагаемый доход на душу населения на юге Китая составлял 36 446 юаней, а на севере Китая — 33 187 юаней. С точки зрения доходов жителей существенной разницы нет, но Юг немного опережает Север [2, p. 84].

Во-вторых, ведущими китайскими экономистами аналитического центра китайского правительства различия северной и южной экономикой Китая расцениваются как видимость.

Ван Имин (заместитель директора Института экономики Китайской академии общественных наук) считает, что разница в экономическом развитии между Севером и Югом в основном связана с дисбалансом в региональном развитии, вызванным такими факторами, как история, география и политика. Принципиальной разницы между Севером и Югом нет, но существующие различия сформировались в конкретных исторических условиях. По мере корректировки национальной политики и совершенствования рыночных механизмов различия между северным и южным регионом будут постепенно уменьшаться [3, p. 12].

Джастин Ифу Линь (профессор Национальной школы развития Пекинского университета) отметил, что различия в моделях экономического развития между Севером и Югом не являются абсолютными. Хотя эти два региона различаются по обеспеченности ресурсами, промышленной структуре, структуре населения и т. д., у этих двух регионов также есть сходство. Например, и Север, и Юг сотрудничают в активном развитии новых отраслей промышленности и укреплении научно-технических инноваций. Поскольку акцент развития страны постепенно смещается в сферу решения внутренних проблем — развитие внутреннего спроса; согласованное внедрение цифровых технологий; сокращение разрыва между богатыми и бедными, эффективная приватизация находящихся в государственной собственности предприятий и «находящихся в государственной собственности активов»; устранение чрезмерного администрирования; формирование эффективной «сельско-городской сдвоенной экономической структуры» — разрыв между Севером и Югом будет постепенно сокращаться [4, p. 169].

Го Тяньюн (декан Национального института финансовых исследований Университета Цинхуа) считает, что различия в моделях экономического развития между Севером и Югом лишь внешние. По мере корректировки национальной политики и совершенствования рыночных механизмов различия между Севером и Югом будут постепенно сокращаться или исчезать. Поэтому мы должны использовать более комплексную и объективную перспективу, чтобы посмотреть на различия в моделях экономического развития между этими регионами. Ученый полагает, что различия в их экономическом развитии не абсолютны и являются лишь одним из проявлений текущего дисбаланса в развитии регионов [5, p. 69].

Большой резонанс на Западе получила концепция «Пекинского консенсуса», под которым понимается экономическая политика Китайской Народной Республики. По мнению ее авторов, данная экономическая модель начала развиваться после смерти Мао Цзэдуна и реабилитации Дэн Сяопина и обеспечила восьмикратный рост китайской экономики. Дж. К. Рамо полагал, что данная модель развития базируется на следующих принципах: сохранение авторитарного режима при постепенной демократизации общества; постепенное дерегулирование цен, соблюдение плюрализма форм собственности и контроля; сильная экспортно-ориентированная промышленность; занижение валютного курса и накопление валютных резервов; большое внимание опоре на традиционные ценности. Дж. Уильямсон выделяет пять элементов: постепенность реформ; опора на инновации и ис-

пользование экспериментов; обеспечение роста экономики за счет экспорта; разнообразие форм «государственного капитализма»; сохранение авторитаризма [6].

Отметим, что сам подход и терминология вызывают справедливое недоумение и негодование в связи с явным проявлением западного гегемонизма. Ч. Вэйвэй (профессор Пекинского университета) считает, что Китай воспользовался полезными идеями значимости рынка, предпринимательской деятельности, глобализации и международной торговли. При этом Китай самостоятельно определяет, как и в какой форме использовать позитивное наследие мировой экономической мысли и опыта. Китайский экономист убежден, что, как и всякая другая концепция, модель имеет недостатки, и полагает, что достоинством китайской национальной модели является «приоритет стабильности» [5, p. 94].

Существенными чертами китайской модели практически все китайские специалисты считают: направленность на искоренение нищеты в китайском обществе; постепенное, но планомерное обновление общественных и государственных институтов, при котором «институты не разрушаются до основания, а мягко реформируются»; четкая очередность мероприятий совершенствования и реформ; отсутствие слепого копирования какой-то конкретной модели.

Именно такой подход обеспечил впечатляющие результаты. С 1979 по 1999 г. объем ВВП Китая вырос в 5,7 раза, иными словами, увеличивался на 9,6% в год. Производство ВВП на душу населения за десять лет выросло в 4,4 раза, производительность труда увеличилась в 3,6 раза. К 1999 г. объем ВВП Китая составил более 1 трлн долл. США, а в 2009 г. — порядка 4 трлн долл., что позволило Китаю занять второе место в мире по данному показателю. Экономика Китая в настоящий момент является лидером в мире [6, p. 33].

При этом практически все специалисты отмечают опору на традиционные ценности, без понимания которых невозможно анализировать реальные результаты и направления дальнейшего трансформирования китайской экономической модели. Китай является одной древнейших цивилизаций, которая смогла сохраниться до настоящего времени. Ее элементами выступают ханьская культура, которая в основном сформирована конфуцианством, легизмом, даосизмом и буддизмом, а также многочисленными малыми культурами и традициями. Профессор Шанхайского университета Хуан Пин справедливо утверждает, что непредвзятый подход к траектории развития, которой следует Китай, приводит к выводу, что этот путь принадлежит исключительно Китаю. Современ-

ная модель Китая не попадает под определение переходной или временной экономики.

Мы полагаем, что китайская экономика — это смешанная система, которая появилась как результат взаимодействия особенного политического строя Китая, его культурных традиций и экономического капитала. Китайская экономика представляет собой совершенно новую экономическую систему, которая возникла в результате взаимодействия «видимой руки государства» с «невидимой рукой рынка» под влиянием китайской культуры Конфуция и Мэнцзы.

Какие же основные характеристики могут лежать в основе анализа китайской экономической модели?

По нашему мнению, демократический централизм — основа китайской экономики. В реальном процессе экономического и социального развития Китая демократический централизм играет роль, которую нельзя игнорировать: он является не только основой политической организации, но и главным организационным принципом партии и основных институтов страны. То есть он превращается в основной институциональный принцип, эффективно организующий партию и государство. Руководитель современной партийной и государственной системы КНР Си Цзиньпин в своем выступлении по случаю 60-летия Всекитайского собрания народных представителей подчеркнул, что «демократический централизм может стать мощной силой для управления страной и эффективно предотвратить взаимную сдержанность и серьезные внутренние трения». Демократический централизм — в то же время политический процесс, который формирует различные области экономической жизни в различных измерениях: «государство — общество, центральное — местное, правительство — предприятие», демонстрируя институциональную организацию и мощный синергический потенциал управления экономикой Китая.

Если «демократический централизм» является принципом, обеспечивающим целостность сложного динамично развивающегося народного хозяйства КНР, то налоговая политика, безусловно, рассматривается как самый важный инструментальный элемент национальной экономической модели. Поэтому мы полагаем, что *современная налоговая политика* является второй важнейшей характеристикой моделирования экономических процессов в Китае.

Политический демократический централизм позволил Китаю создать смешанную экономическую модель, реализуя объединение «дизайна высшего уровня и местных инноваций» и устраняя внутреннюю напряженность между государством и рынком,

а также центральными и местными органами власти в экономическом развитии Китая. Руководствуясь экономическими показателями, центральное правительство стремится проводить реформы и обеспечивать развитие «сверху донизу», от общенационального к местному. В то же время оно активно поощряет местные инновации и исследует тем самым уникальные пути, подходящие для моделей местного развития, стимулируя жизнеспособность местного экономического развития. Таким образом, центральное правительство и местные провинциальные власти тесно сотрудничают в рамках макроструктуры смешанной экономической модели. Важнейшую коммуникацию в этих процессах обеспечивают налоги. Налоги — это кровь экономики страны, основополагающий элемент бюджета государства. Реформы распределения налогов привели к перераспределению доходов бюджета, предоставив центральному правительству практически прямой контроль над осуществлением местных расходов. В первые годы внедрения системы распределения налогов влияние центрального правительства было очень очевидным: в 1994 г. доля доходов центрального правительства в бюджете возросла до 56%.

Это позволило устранить многие возможности хищений, нецелевого использования средств и т. п., существовавших при старой системе. Рассматриваемый в качестве транзакционного налога НДС эффективно предотвращает перераспределение налогов местными органами власти и уклонение от уплаты налогов государственными предприятиями.

В рамках налоговой реформы центральное правительство забрало большую часть налоговых поступлений. Но налоговые поступления местных органов власти не уменьшились (рис. 1), так как система управления земельными ресурсами Китая уникальна. Городские земли Китая принадлежат государству, а сельская земля находится в собственности сельских коллективов. Большая часть земли, необходимой для расширения городов и строительства промышленных парков, приходится на сельские коллективные земли, но эти земли должны быть приобретены государством, прежде чем их можно будет застроить и продать. Это означает, что местное самоуправление занимает монопольное положение на первичном рынке городских земель, и в то же время государство осуществляет жесткий контроль за изменением характера земель. Исследование показало, что местные органы власти намеренно ограничивают размер коммерческой и жилой земли в пределах своей юрисдикции, чтобы они могли контролировать арендную плату за коммерческую и жилую землю. У коммерческих и жилых землепользователей нет другого выбора, кроме как платить высокую арендную пла-

ту за землю местным органам власти и перекладывать расходы на местных жителей, которые являются коммерческими и бытовыми потребителями. То есть арендная плата за землю составляет более 30% в общем объеме затрат частных предпринимателей. В относительно слабо развитых районах Китая этот показатель достигает 70%! Именно эти сборы за передачу земли позволяют местным орга-

нам власти быть конкурентоспособными в решении многих вопросов, предоставляя пакет преференциальной политики, включая дешевую землю и налоговые льготы в процессе привлечения инвестиций в местную обрабатывающую промышленность. Очевидно, что в области налогообложения китайская модель имеет существенный потенциал совершенствования.

Рис. 1. Элементы национальных бюджетных доходов с 1980–2020 гг. Доля доходов центрального бюджета в национальных доходах бюджета, %

Особое место в модели экономики занимают внешнеэкономические связи Китая. Размер экономики страны часто определяется с точки зрения объема внешней торговли. КНР продолжает оставаться крупнейшей торговой страной в мире с 2013 г. На его долю приходилось 11,4% мировой торговли товарами в 2017 г. По значимости отдель-

ных предприятий Китай насчитывает 111 компаний в списке Fortune Global 500, что эквивалентно числу компаний в Соединенных Штатах. С точки зрения размера капитала у КНР огромная финансовая система (крупнейшая в мире банковская система, второй по величине фондовый рынок и третий по величине рынок облигаций) [7].

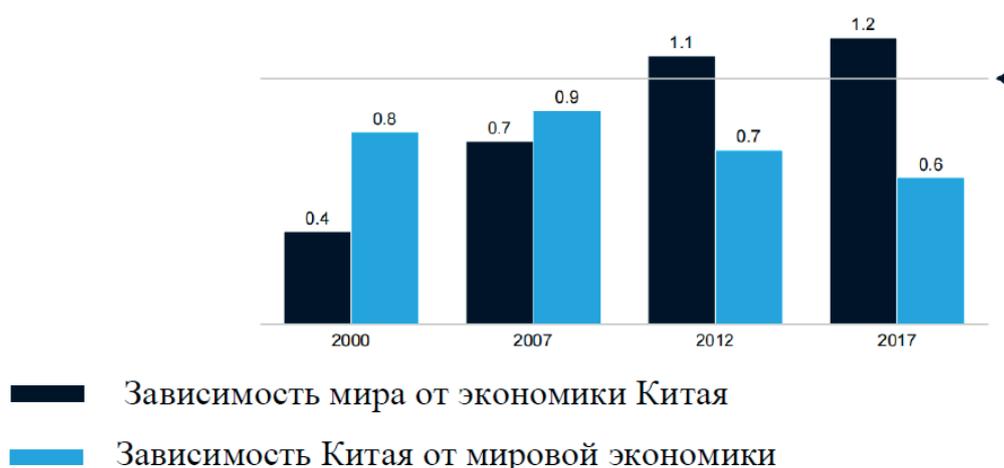

Рис. 2. Индекс экономической взаимозависимости Китая и мира

Что касается технологий, Китай вложил значительные средства в исследования и разработ-

ки (в 2018 г. он занял второе место в мире с расходами на исследования и разработки в размере

293 млрд долл. США). С точки зрения торговли, значимости предприятий, капитала и технологий Китай стал одной из крупнейших мировых держав, при этом зависимость страны от мировой экономики относительно снижается, а зависимость мира от экономики Китая относительно возрастает (рис. 2). Снижение мировой зависимости в определенной степени отражает постепенное смещение фокусирования китайской экономики на развитие внутреннего потребительского рынка.

С 2015 по 2019 г. на внутреннее потребление Китая приходилось более 60% общего роста ВВП. В 2017–2018 гг. около 76% роста ВВП Китая приходилось на внутреннее потребление, тогда как вклад чистого объема торговли в рост ВВП был фактически отрицательным. В 2008 году у КНР было чистое положительное сальдо торгового баланса в размере 8% ВВП, но к 2018 году оно упало примерно до 1,3%, что ниже, чем у Германии или Южной Кореи, у которых чистое положительное сальдо торгового баланса составляло 5% ВВП (~8%) [5, р. 72].

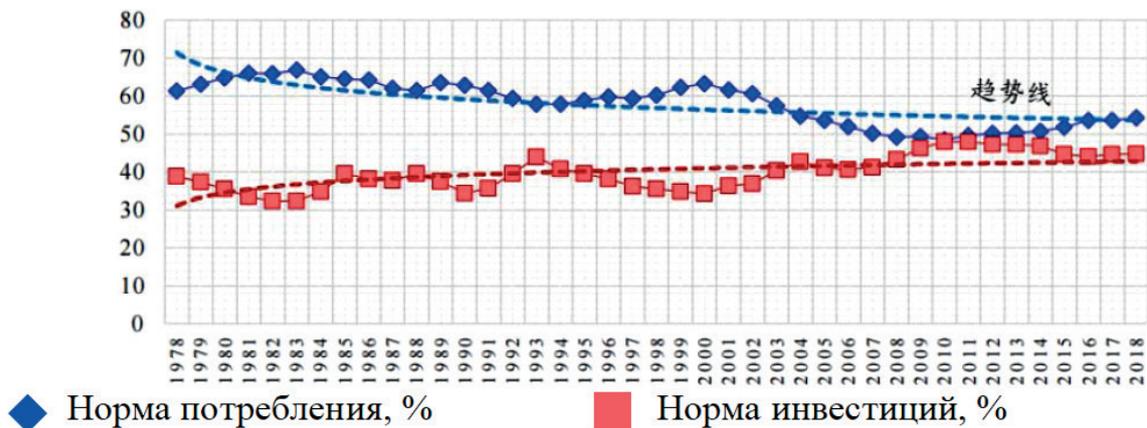

Рис. 3. Диапазон колебаний нормы инвестиций и нормы потребления (1978–2018 гг.)

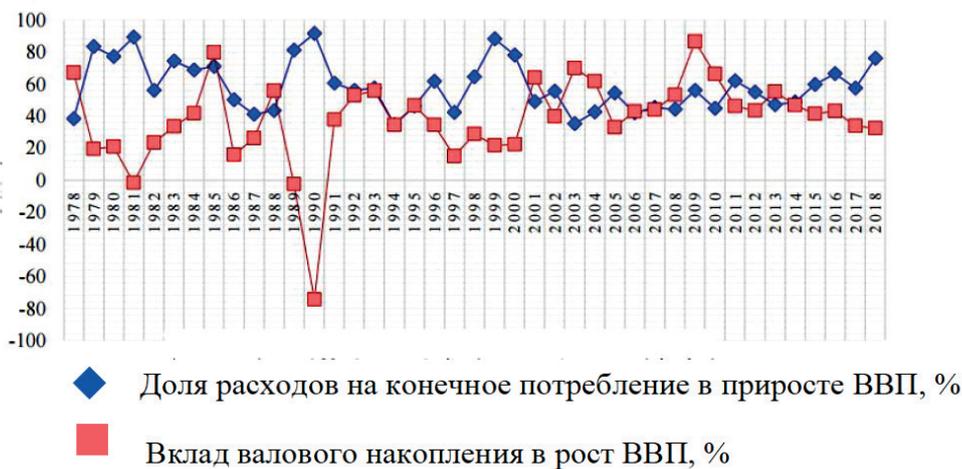

Рис. 4. Вклад инвестиций и потребления в экономический рост (1978–2018 гг.)

Динамичное изменение структуры внутреннего спроса в Китае обеспечивает адаптивность экономического развития. Но в целом уровень инвестиций в Китае выше среднемирового, а уровень потребления ниже (табл. 3). С началом процесса социалистической индустриализации внутренний инвестиционный спрос высвободился, и доля ва-

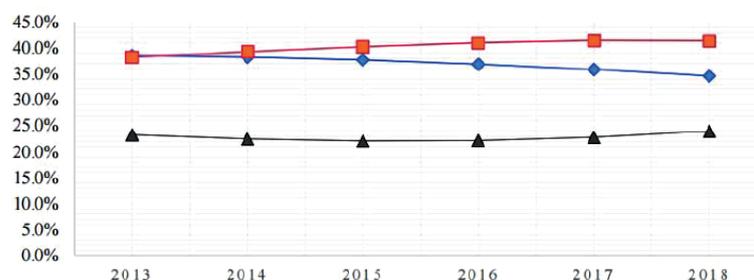
лового накопления капитала в ВВП однажды выросла до 79,8% в 1985 г. Хотя колебания нормы инвестиций и нормы потребления постепенно замедляются, тенденция нормы инвестиций восходящая, а потребления — прямо противоположная (рис. 4). Меры, принятые в ответ на азиатский финансовый кризис в конце XX в., вновь ускорили рас-

ширение инвестиций в социальную сферу и подняли инвестиционный энтузиазм, однако прямой стимулирующий эффект на общественное потребление в то время не был очевиден, что оказало влияние на внутреннее производство расходов на конечное потребление и валовые накопления. В 2001 г. изменилась норма вклада в рост общей стоимости (рис. 5), и дисбаланс между инвестициями и развитием потребления еще более усилился [8, р. 46].

Уровень инвестиций в Китае постепенно увеличивается, и на данном этапе экономическая модель, в которой доминируют инвестиции и экспорт, привела к относительно быстрому росту экономики Китая. За этот период уровень инвестиций вырос с 36,3% в 2001 г. до 47,9% в 2010 г., что выше среднемирового уровня, в то время как уровень потребления быстро снизился с 61,6% в 2001 г. до 48,5% в 2010 г. (рис. 4). На этом этапе средняя норма вклада инвестиций в экономический рост достигла 56,2%, а средняя норма вклада потребления в экономический рост составила 47,0%. В 2008 г. китайское правительство увеличило инвестиции в управляемом государством секторе, чтобы адаптироваться к ситуации. Это обеспечило бесперебойную работу китайской экономики под воздействием внешних кризисов, однако под влиянием таких факторов, как временной эффект накопления и временной лаг «переваривания», китайская экономика сталкивается со структурными диспропорциями. После финансового кризиса 2008 г. реальный уровень инвестиций в Китае был значи-

тельно выше, а общее развитие потребления было недостаточным, однако потребление является конечной целью общественного материального производства, а масштабы и количество эффективных и прибавочных продуктов, производимых за счет инвестиций, должны быть поглощены конечным потреблением. Поэтому потребление часто рассматривается как «щебень» и «стабилизатор» экономического развития, который используется для оптимизации инвестиций и содействия реализации экономических преобразований. По опыту развитых стран, когда ВВП на душу населения в стране превышает 10 тыс. долл. США, ее экономическое развитие вступает в период изменений и модернизации структуры потребления. В 2018 г. ВВП на душу населения в КНР увеличился до 9 960 долл. США [9], а структурная трансформация и улучшение спроса создали новые возможности экономического роста. С 2014 г. вклад потребления в рост ВВП Китая постепенно превышает вклад инвестиций. В 2018 г. доля расходов на конечное потребление в приросте ВВП составила 76,2%. В этот период потребление было основным источником экономического роста в течение пяти лет подряд, и возникает экономическая модель Китая, ориентированная на потребление [10, р. 6].

Категории потребления, связанные с повышением самооценки, улучшением качества жизни и разнообразными индивидуальными потребностями, постепенно формируют новую структуру потребления.

◆ Доля прожиточного минимума

■ Доля потребления разработки

▲ % бытового потребления

Рис. 5. Изменение структуры потребления горожан (2013–2018 гг.)

Демографические ресурсы как гарантия стабильности экономического развития страны. Китай является страной с большим населением. Китайские ученые и исследователи подсчитали, что «предельный эффект коэффициента общей демографической нагрузки составляет $-0,115$, то есть увеличение коэффициента общей демографиче-

ской нагрузки на одну единицу приведет к замедлению темпов экономического роста на 0,115 процентных пункта, и наоборот» [5, р. 82]. Общий коэффициент демографической нагрузки снизился более чем на 20% (рис. 6), а снижение общего коэффициента демографической нагрузки способствовало высоким темпам роста ВВП на душу на-

селения. Достаточное предложение рабочей силы, легкое социальное бремя, высокая предпочтения национальных сбережений и высокая инвестиционная предпочтения ускоряет накопление богатства и значительно увеличивает рост ВВП. В то же время сочетание прироста ежегодного предложения рабочей силы и промышленных инвестиций создавало огромный эффект повышения производитель-

ности. После 2005 г. общий коэффициент демографической нагрузки в целом оставался ниже 40% (рис. 7). В 2011 г. доля населения трудоспособного возраста в КНР начала снижаться, абсолютная численность трудоспособного населения также постепенно уменьшалась, общая доля иждивенцев продемонстрировала тенденцию к росту, а демографический дивиденд вступил в период упадка.

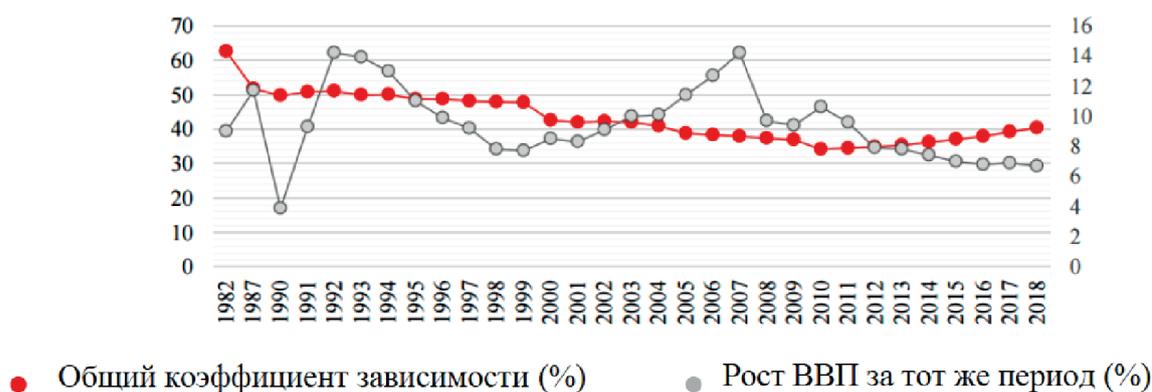

Рис. 6. Связь между общей долей демографической нагрузки и экономическим ростом в Китае (1982–2018 гг.)

Развитие образования и общее повышение качества работающего населения. Образование является ключевым способом повышения качества работающего населения. После реформ и открытости Китай ускорил модернизацию образования. По сравнению с началом основания Китайской Народной Республики в 2018 г. «чистый коэффициент охвата начальной школой увеличился до 99,95%, общий коэффициент охвата неполной средней школой увеличился до 100%, показатель охвата средней школы увеличился до 88,8%, а общий уровень зачисления в высшие учебные заведения увеличился до 48,1%» [11, р. 124].

Накопление человеческого капитала и долгосрочный экономический рост. Развитие информационного общества превращает человеческий капитал в ключевой фактор повышения общественной производительности хозяйственной деятельности.

В процессе экономического развития Китая запасы и уровень человеческого капитала всегда были наиболее активной движущей силой экономической деятельности. Как движущая сила экономического роста человеческий капитал имеет самый большой «коэффициент эластичности выпуска», поэтому его вклад в экономику Китая становится все более и более очевидным. В период серьезной трансформации, когда экономика Китая поворачивается к качественному развитию, развитие человеческого капитала, как правило, должно характеризоваться более продвинутой к современ-

ным видам деятельности профессиональной структурой, чтобы облегчить формирование «основного резерва талантов и предложения промышленных инноваций для модернизации промышленности» в качестве важнейшего элемента экономической стратегии КНР как одного из экономических лидеров современного мира.

К факторам, влияющим на общий объем человеческого капитала, в основном относятся уровень образования и продолжительность «трудоспособности» населения, «норма отдачи от образования», доля обучения на рабочем месте, когнитивные изменения в структуре населения всего общества. Причем для китайского подхода характерна попытка выйти из традиционного анализа динамики рабочей силы, принятого в западной и российской практике. В частности, интерес представляет использование такой сложной характеристики, как «трудоспособность населения». Она предполагает оценку здоровья в соответствии с возрастными категориями, занятие работающих групп населения традиционными видами дыхательной гимнастики в рамках стихийных «нерегулируемых» и хорошо организованных секций, обращение к традиционной китайской медицине и т. п. Подтверждение таких занятий служит весьма серьезной конкурентной характеристикой работника при найме. Известны в литературе и подходы китайских экономистов к расчетам «нормы отдачи от образования». Но в данной статье нет необ-

ходимости серьезного анализа китайских методик анализа динамики рынка труда, однако отметим перспективность их изучения в силу уникальности китайской модели экономики и необходимости исследования опыта организации регулирования рынка труда.

В последние годы широко применяется понятие «демографического дивиденда». В конце 1990-х гг. эксперты Всемирного банка Д. Э. Блум и Дж. Г. Уильямсон обратили внимание на интересные тенденции в развитии экономики азиатских стран (в частности Индии, Китая и ряда других) в связи с уникальным и, что самое главное, «долгоиграющим» фактором экономического роста — возрастной структурой населения, при которой доля населения, находящегося в наиболее продуктивном возрасте, существенно превышает долю населения непродуктивных возрастов (детей и стариков) при снижающейся рождаемости в течение продолжительного периода времени [12, с. 419–455]. Как впоследствии утверждал Фонд Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА), такие страны «имеют право на повышение производительности экономических факторов». Отметим в этой связи важные особенности китайской экономической модели:

- «демографический дивиденд» в ней рассматривается именно как способ и результат использования человеческого капитала;
- в модели он сопрягается с необходимостью формирования «образовательного дивиденда» — результатом капитализации (человеком, фирмой, страной) знаний, навыков, опыта;
- огромное внимание этому «сопряжению» уделяется в современных программных документах КПК и китайского государства.

Данные исследования «Отчет о человеческом капитале Китая за 2018 год» показывают, что с 1985 по 2016 г. общий запас человеческого капитала в стране демонстрировал тенденцию к росту. Среднегодовой темп роста человеческого капитала в сельской местности составлял 3,84%, в то время как среднегодовой показатель темпов роста городского человеческого капитала достиг 10,28% [13, р. 63]. После принятого курса «реформ и открытости» трансформация экономической системы Китая ускорилась, социалистическая рыночная экономика получила существенное развитие, и государство с еще большей энергией обратилось к ускорению развития образования и подготовки кадров. Что касается динамического развития человеческого капитала, то с 1985 по 2016 г. среднегодовой темп роста человеческого капитала на душу населения по стране составлял около 7,33% [4, р. 169]. *Распределение занятости работающего населения*

Китай отражает корректировку и серьезные изменения экономической структуры.

Во-первых, общая занятость работающего населения Китая постоянно увеличивается, а общий масштаб расширяется. Рыночные реформы ускорили поток и перемещение рабочей силы между регионами, ведомствами и отраслями. Масштабы городской и сельской занятости увеличились на 93%, а численность трудоспособного населения увеличилась примерно до 780 млн человек [11, р. 126]. Во-вторых, трансформация структуры занятости рабочей силы в экономическом развитии Китая, в целом, отражает корректировку и изменения структуры экономики, но все же еще существует определенная неудовлетворенность отклонениями движения занятости от трансформирующейся промышленной структуры.

Китайская модель экономики опирается на особенный подход к структурированию промышленности. Китайский подход предполагает выделение «первичных», «вторичных» и «третичных отраслей промышленности». К «первичным» относятся прежде всего добывающие отрасли и предприятия первичной переработки сельскохозяйственной продукции, а также предприятия первичной лесопереработки и т. п. «Вторичную» составляют производство продуктов питания, текстильная, обувная и другие отрасли. Отметим, что «третичная» промышленность в китайской модели также серьезно представляет свою продукцию на рынках одежды, обуви и других предметов потребления. Китайские источники убеждены, что основные различия групп отраслей вызваны технологическим строем производства. Ряд китайских специалистов считает, что «первичная» промышленность представлена в основном «рутинными традиционными технологиями»: основным критерием выступает применение ручного труда, низкий уровень энергообеспеченности производства и энерговооруженности труда.

«Вторичная» промышленность представлена в основном «инженерными технологиями». При этом продукция в основном производится при практическом отсутствии автоматизации. Низок уровень применения компьютерной техники и цифровых технологий. Инженерные технологии преобладают, но рутинные присутствуют. Не вытеснен ручной труд.

«Третичная» группа представлена «изменчивыми технологиями». Высока доля автоматизированных процессов и цифровых технологий.

За последние 40 лет реформ и открытости, с ускорением новой индустриализации и урбанизации доля первичной промышленности Китая продолжала снижаться, а разрыв между долями вторичной и третичной промышленности постепенно

сокращался. В 2012 г. доля третичной промышленности впервые превысила долю вторичной, а сфера услуг быстро развивалась.

Четко отражает эти перемены промышленных приоритетов и занятость. В связи с этим доля занятых в традиционном сельскохозяйственном секторе продолжала снижаться, привлекательность городского несельскохозяйственного труда значительно возросла, а масштабы занятости, привлекаемой вторичными и третичными отраслями, продолжали расти, особенной привлекательностью при этом обладает и занятость в сфере услуг. После вступления в XXI век, с активным развитием

передовой обрабатывающей промышленности Китая доля занятых во вторичной промышленности достигла пика в 2012 г., а затем начала снижаться. В 2018 г. на долю занятых в первичной промышленности приходилось 26,1% от общей занятости, во вторичной промышленности — 27,6%, в третичной — 46,3% [11, p. 132].

Подводя итоги, отметим, что в рамках небольшой статьи невозможно представить полноценный анализ национальной экономической модели Китая. Наш анализ показывает, насколько велики возможности развития и как сложны процессы трансформации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бергер Я. М. Экономическая стратегия Китая. М., 2009.
2. Continuously improving the level of investment in fixed assets continues to play a key role in development // National Bureau of Statistics. July 29. 2021.
3. Yuan Fuhua, Zhang Ping, Li Zhaochen. The Causes of Discontinuous Growth and the Transformation of Innovation Paths // Journal of the Party School of the Central Committee of the Communist Party of China. 2018. Vol. 22. Iss. 1.
4. Shijin Liu. Ten-Year Prospects for China's Economic Growth (2018–2027): Medium-speed Platform and High-quality Development. CITIC Publishing Group, 2018.
5. Dewen W., Fang C., Xuehui Z. Saving Effect and Growth Effect of Demographic Transition — On the Demographic Factors of China's Growth Sustainability // Population Research. 2004. Iss. 5.
6. Haggard S. Pathways from the Periphery: the politics of growth in the newly industrializing countries. Cornell, 1990.
7. China Statistical Yearbook 2019 // National Bureau of Statistics, China Statistics Press. Beijing, 2019. P. 33.
8. White Paper on China's Digital Economy Development and Employment. // China Academy of Information and Communications Technology. 2019.
9. Statistical Bulletin of the People's Republic of China on National Economic and Social Development in 2018 // People's Daily. 2019. March 1. № 1.
10. Results of the Fourth National Economic Census // China Education News. 2019.
11. Refer to the index value. China Statistical Yearbook 2019. // National Bureau of Statistics, 2019.
12. Блум Д. Э., Уильямсон Д. Г. Демографические переходы и экономические чудеса в развивающейся Азии // Обзор экономики Всемирного банка. 1998. № 12.
13. China Human Capital Report 2018. Economics and Public Policy Superior Discipline Innovation Platform: scientific research results. Beijing, 2018.

REFERENCES

1. Berger Ya. M. China's economic strategy. M., 2009.
2. Continuously improving the level of investment in fixed assets continues to play a key role in development. National Bureau of Statistics. 2021. No. 29.
3. Yuan Fuhua, Zhang Ping, Li Zhaochen. The Causes of Discontinuous Growth and the Transformation of Innovation Paths. Journal of the Party School of the Central Committee of the Communist Party of China. 2018. Vol. 22. Iss. 1.
4. Shijin Liu. Ten-Year Prospects for China's Economic Growth (2018–2027): Medium-speed Platform and High-quality Development. CITIC Publishing Group, 2018.
5. Dewen W., Fang C., Xuehui Z. Saving Effect and Growth Effect of Demographic Transition — On the Demographic Factors of China's Growth Sustainability. Population Research. 2004. Iss. 5.
6. Haggard S. Pathways from the Periphery: the politics of growth in the newly industrializing countries. Cornell, 1990.

7. China Statistical Yearbook 2019. National Bureau of Statistics, China Statistics Press. Beijing, 2019. P. 33.
8. White Paper on China's Digital Economy Development and Employment. China Academy of Information and Communications Technology. 2019.
9. Statistical Bulletin of the People's Republic of China on National Economic and Social Development in 2018. People's Daily, March 1. 2019, No. 1.
10. Results of the Fourth National Economic Census. China Education News. 2019.
11. Refer to the index value. — China Statistical Yearbook 2019. National Bureau of Statistics, 2019.
12. Bloom D. E., Williamson J. G. Demographic transitions and economic miracles in developing Asia. World Bank Economics Review, 1998, No. 12.
13. China Human Capital Report 2018. — Economics and Public Policy Superior Discipline Innovation Platform: scientific research results. Beijing, 2018.

Поступила в редакцию: 06.07.2023.

Принята к печати: 27.07.2023.